

Минец Диана Владимировна

аспирантка кафедры отечественной филологии
и прикладных коммуникаций
Череповецкого государственного университета
тел.: (921) 137-28-11

Minets Diana Vladimirovna

post-graduate student of the native philology
and applied communications,
Cherepovets State University
tel.: (921) 137-28-11

**«ДНЕВНИК» МАРИИ БАШКИРЦЕВОЙ
КАК АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА:
ЛИНГВОГЕНДЕРНОЕ ПРОЧТЕНИЕ**

**“THE DIARY” OF MARIYA BASHKIRTSEVA
AS AUTOBIOGRAPHICAL PRACTICE:
LINGUISTIC AND GENDER READING**

Аннотация:

В статье предпринимается попытка гендерного прочтения женского автобиографического текста. «Дневник» М. Башкирцевой разрушает многие гендерные и жанровые стереотипы. Формула «женщина-творец» распадается на два полюса: концепты «свобода» и «творчество» составляют периферию концепта «мужчина» и не пересекаются с когнитивной сферой «женского».

Ключевые слова:

гендер, гендерный стереотип, дневник, автобиографическая практика, языковая личность, речевой портрет, концепт.

The summary:

The article attempts to gender reading of the female autobiographical text. “The diary” of M. Bashkirtseva destroys many gender and genre stereotypes. The formula of “woman-creator” splits into two poles: the concepts of “freedom” and “creativity” are the periphery of the concept “man” and do not interfere with cognitive sphere of “female”.

Keywords:

gender, gender stereotype, diary, autobiographical practice, linguistic identity, verbal portrait, concept.

С именем Марии Башкирцевой (1860–1884) связано радикальное изменение общепринятых понятий о жанре дневника во Франции и России XIX века. Для французских и русских девушек той эпохи, имевших предназначение прежде всего для дома и семьи, дневник был средством нравственного воспитания.

На этом традиционном фоне возникает Мария Башкирцева – художница, литератор, мыслитель, русская (точнее – украинка) по происхождению, но пишущая по-французски – с совершенно иным видением мира.

В ее лирическом «Дневнике» впервые ставится проблема женщины-творца как таковая. До этого женщины, несмотря на амбиции Е. Ростопчиной, К. Павловой, Ю. Жадовской, с которыми связано становление женского литературного сознания в России, себя так не ощущали.

«Дневник» М. Башкирцевой представляет собой беспрерывные записи, начиная с двенадцати лет до своей смерти: его можно считать полноценным женским романом. Благодаря своей откровенности, он выходит за пределы обычной женской симуляции, тем не менее сама Башкирцева свое общественное поведение приспосабливала, моделировала с оглядкой на других. Ее пример показателен с точки зрения подавления женского писательства: исследователями обнаружено множество цензурных исправлений в оригинале дневника родственниками Башкирцевой, цензурирован и возраст Марии – по рукописи, она старше на два года.

«Дневник» М. Башкирцевой, в равной степени значимый и для Франции, и для России, стал скандальным и «подрывным» текстом, разрушившим многие гендерные и жанровые стереотипы [1, с. 286].

Далее на уровне языковой организации коснемся некоторых механизмов становления и утверждения «женского» художественного сознания в связи с социокультурной ситуацией второй половины XIX в. Нас будет интересовать специфика самопрезентации М. Башкирцевой как языковой личности (в гендерном аспекте – прежде всего) и текстовая модель, в которой она нашла свое воплощение.

Наиболее очевидный прием самопрезентации – прямая самохарактеристика. Дневниковый текст демонстрирует саморефлексию женщины, воплотившей романтический идеал художника с извечным конфликтом между мечтой и действительностью. «Я»-модель, априори выстроенная на общей оппозиции «я – мир», в тексте задана ее частной вариацией «я – другие»: «Я не могу жить: я ненормально создана; во мне – бездна лишнего и слишком многого недостает; такой характер не может быть долговечным. Если бы я была богиней и вся вселенная была к моим услугам, я находила бы, что мои владения дурно устроены... Нельзя быть более причудливым, более требовательным, более нетерпеливым <...> я сама не вполне понимаю себя, я только говорю вам, что жизнь моя не может быть продолжительна» [2, с. 253]; «Для того чтобы меня могли выдать замуж, как всякую другую, нужно было, чтобы я была совсем другая» [2, с. 409].

Выделенные в приведенных выше фрагментах слова с повторяющимся структурным формантом «не», с семантикой отрицания указывают на повторяющуюся идею «отсутствия» чего-то привычного для культурного сознания обычного человека, которую можно интерпретировать как некий кризис идентичности.

Семантика «инакости» – доминанта дискурса Башкирцевой, что характерно для речевого поведения авторов-художников как определенной профессиональной группы [3, с. 5] и предполагает наличие таких сходных качеств, как эгоцентризм, ориентированность на себя, излишняя самоуверенность, интерпретируемых как неписанные нормы и ожидания использования планов речевых воздействующих стратегий в автотекстах. Они актуализированы специализированными речевыми сигналами – **маркерами**: это **автономинации** типа «великая художница», реализующие речевой план скрытой воздействующей стратегии: «...надеюсь остаться в памяти людей как великая художница...» [4, с. 7]; «Теперь я уже была бы великой художницей...» [4, с. 233]; «В 22 года я буду знаменитостью или умру» [4, с. 257].

Самоопределения с точки зрения «гендерного наполнения» (**оппозиция «женщина – мужчина»**) также последовательны на протяжении всего текста: художница не отождествляет себя с женскостью, как

она ее понимает, и выстраивает свою идентичность в отталкивании от нее. Это закономерно для биографии каждой женщины – творческой личности, где «следует отводить главу – оплакивание своего пола и попытки преодоления навязываемых им условностей» [5].

Собственная «безместность» в мире объясняется именно гендерным аспектом: женщина-художник в XIX веке редко воспринималась серьезно (вообще обсуждению «женского» вопроса, равноправия полов в дневнике уделено много места). Кроме того, когда речь в дневнике касается женской природы, женщин вообще, то либо они маркируются однозначно негативно, либо характеристика выстраивается через упомянутое выше отрицание (речь идет о случаях касаясь творческой сферы): «М-lle Эльниц сопровождает меня... но она... так скучна!» [6, с. 293]; «Женщины с этой пудрой в волосах, которая придает голове такой грязный вид, казалось, были в прическах из мочалы и вывалились в соломе. Как это уродливо! Как это глупо!» [6, с. 315]; «Я завидую Бреслау, она рисует совсем не как женщина» [6, с. 266].

Оценочные характеристики других субъектов дневникового дискурса (как правило, мужчин) подразумевают диаметрально разведение культурных сфер «женщина» и «творчество» (дихотомия мужского/женского как позитивного/негативного). Релевантной оценкой женского творчества становится **формула «минус-женское»**: «Это работа мальчика, сказали обо мне» [6, с. 288]; «...говорили в мужской мастерской, что у меня рука, манера и способности совсем не женские...» [6, с. 245].

Эксплицитное обозначение внешних характеристик собственной личности – специфика типично женского типа письма (информирование о собственных достоинствах – в прямой и косвенной форме). Для Башкирцевой **акцентирование внешнего женского «я»** и позитивная оценка собственной внешности – естественная тактика речевой самопрезентации: «Да и правда – я красива» [6, с. 42]; «...моя свежесть, моя бесподобная белизна составляет мою главную красоту» [6, с. 42]; «Я сознаю себя красивой...» [6, с. 43].

Для дневникового дискурса Башкирцевой характерно соблюдение семантического согласования в сравнительных конструкциях, заданных существительными, обозначающих лиц женского пола и являющихся к тому же интертекстуальными элементами, традиционно трактуемыми общественным сознанием как эталоны: «Я причесана, как *Венера Капитолийская*, одета в белое, как *Беатриче*, с четками и перламутровым крестом на шее» [6, с. 97].

Экспрессия, характерная для канонического жанра женского дневника, у Башкирцевой поддерживается синтаксисом: восклицательный знак – черта ее идиостиля. Распространенный способ актуализации эмоций – их вербализация с помощью эмотивных слов (**говорение «курсивом»**): «...чтобы выразить всю бездну моего отчаяния...» [6, с. 53], «...я безумно хотела бы видеть Пьетро» [6, с. 90]; «...это было бы ужасное несчастье...» [6, с. 393].

Категория рода в русском языке является облигаторной, а не интенциональной, при этом пишущий (художник слова) может заявлять о своем праве на выбор формы даже в тех случаях, когда грамматические правила такого выбора не только не предусматривают, но могут и запрещать его. Разветвленная система самохарактеристик через грамматический мужской род как способ нейтрализации гендерного фактора у М. Башкирцевой является сознательным выбором родо-половой установки:

– отказ от принадлежности к определенному полу через «приписывание среднего рода особи женского пола» [7, с. 575] – «существо», «создание» – подается как отказ от «я»; акцентуация «бесполого» начала в сознании носителей русского языка связана со средним родом и категорией «обезличенности»; в дневнике этот аспект оттенен семантикой «особости» (частотные атрибуты «непонятный», «странный»): «Странное я создание...» [8, с. 33]; «В настоящую минуту я склонна думать, что я *существо* непонятное» [8, с. 253]; «...что не мешало всем во мне видеть *существо*, которое, несомненно... должно было сделаться со временем всем, что только может быть наиболее красивого...» [8, с. 10];

– выбор форм мужского рода интерпретируется как выбор в пользу обобщения, характерного для пословиц (лексема «человек»): «Я могу протянуть, но... я погибший *человек*» [8, с. 427]. «... не думайте, что это я, думайте, что это просто *человек*, рассказывающий вам свои впечатления с самого детства» [8, с. 7]; «Такому честолюбивому и тщеславному *человеку*, как я...» [8, с. 79]; «...я имею вид *человека*, достигшего своего...» [8, с. 443].

В итоге имеем согласовательную аномалию, подчеркивающую противоречивость наличия в одном существе «общечеловеческих» и «чисто женских» признаков, в виде грамматических метаморфоз (**ж. р. → м. р.; ж. р. → с. р.**): «...Не думайте, что это я, думайте, что это просто *человек*...» [8, с. 7]; «Я была вообще *худа, хила и некрасива*, что не мешало всем видеть во мне *существо*, которое... должно было сделаться со временем всем...» [8, с. 10]. Вывод убедителен: женщина успешно создает свой гендер, лишь присваивая мужской пол: «Ах, как силен этот *г-н Башкирцев!* (Картина была подписана *мужским именем*.) Тогда я сказала, что художник – женщина, девушка, и добавила – красивая девушка... *О, нет, этому поверить не могли!*» [8, с. 425]. Но если «неженские» проблемы творчества она решает в рамках своего пола, создавая гендер «на материале» своего биологического пола, «она оказывается лишь тенью «настоящего» гендера – мужского» [9]: «способности *совсем не женские*...»; «*работа мальчика*».

Маркеры лексико-грамматического (гиперболизированная экспрессия, слова-интенсивы) и синтаксического уровня (восклицательные и вопросительные предложения), а также общее прямолинейное и открытое речевое поведение в рамках гендерной лингвистики квалифицируются как дифференциальные признаки женской речи [10, с. 90–156]. В то же время, многие сохранившиеся до настоящего времени гендерные стереотипы Башкирцевой в ее автотексте признаются, но отвергаются (ведущее значение в жизни женщины брака и семьи). На первый план выходят иные гендерные стереотипы, характеризующие роль женщины (творчество и образование). Формула «женщина-творец» на тот исторический момент звучала абсурдно: концепты «свобода» и «творчество» составляли периферию концепта «мужчина» и не пересе-

кались с когнитивной сферой «женского». Дневник Башкирцевой – лишь попытка соединить полюса: свобода и творчество по-прежнему остаются сферой «мужского».

Анализ показал: во французской культуре, как и в любой другой, существовали (и существуют) определенные нормы мужского и женского, предписанные обществом. Имеющиеся на тот культурно-исторический момент нормативные поло-ролевые характеристики препятствовали перемене гендерных стереотипов. Ранняя смерть М. Башкирцевой также не позволила ей в полной мере воплотить свой творческий потенциал и парадокс «женского гения». Не случайно ее судьбу называют «трагедией недоволощенной» [11, с. 9].

Ссылки:

1. Савкина И.Л. Теории и практики автобиографического письма // Новое литературное обозрение. 2008. № 92. С. 284–289.
2. Башкирцева М. Дневник. М., 1999.
3. Чунахова Л.В. Особенности речевого поведения художников второй половины XIX века (на материале английского и русского языков) : автореф. дис. ... канд. фил. наук. Ростов н/Дону, 2006.
4. Башкирцева М. Указ. соч.
5. Круглова Н.В. Башкирцева Мария Константиновна // Центр ОТСМ-ТРИЗ технологий. [Сетевой ресурс]. URL: <http://www.trizminsk.org/e/25004.htm> (дата обращения: 12.11.2011).
6. Башкирцева М. Указ. соч.
7. Фатеева Н.А. Языковые особенности современной женской прозы. Подступы к теме // Русский язык сегодня : сб. ст. Вып. 1 / отв. ред. Л.П. Крысин. М., 2000. С. 573–586.
8. Башкирцева М. Указ. соч.
9. Чичинская Р. Особенности женского письма: публицистика Кирь Сапгир // Literatūra : сетевой журнал. Вильнюс, 2007. № 49. Т. 2. URL: <http://www.leidykla.vu.lt/mokslo-darbai/literatura/literatura-2007-49-2-tomas/> (дата обращения: 12.11.2011).
10. Земская Е.А., Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Особенности мужской и женской речи // Русский язык в его функционировании: Коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993. С. 90–156.
11. Капустина О.Б. Новый женский тип и поэзия конца XIX – начала XX веков : автореф. ... дис. канд. фил. наук. Иваново, 2007.

References (transliterated):

1. Savkina I.L. Teorii i praktiki avtobiograficheskogo pis'ma // Novoe literaturnoe obozrenie. 2008. No. 92. P. 284–289.
2. Bashkirtseva M. Dnevnik. M., 1999.
3. Chunakhova L.V. Osobennosti rechevogo povedeniya khudozhnikov vtoroy poloviny XIX veka (na materiale angliyskogo i russkogo yazykov) : avtoref. dis. ... kand. fil. nauk. Rostov n/Donu, 2006.
4. Bashkirtseva M. Op. cit.
5. Kruglova N.V. Bashkirtseva Mariya Konstantinovna // Tsentr OT-SM-TRIZ tekhnologiy. [Electronic resource]. URL: <http://www.trizminsk.org/e/25004.htm> (date of access: 12.11.2011).
6. Bashkirtseva M. Op. cit.
7. Fateeva N.A. Yazykovye osobennosti sovremennoy zhenskoy prozy. Podstupy k teme // Russkiy yazyk segodnya : col. of articles. Issue 1 / ex. ed. L.P. Krysin. M., 2000. P. 573–586.
8. Bashkirtseva M. Op. cit.
9. Chichinskayte R. Osobennosti zhenskogo pis'ma: publitsistika Kiry Sappgir // Literatūra : setevoy zhurnal. Vil'nyus, 2007. No. 49. Vol. 2. URL: <http://www.leidykla.vu.lt/mokslo-darbai/literatura/literatura-2007-49-2-tomas/> (date of access: 12.11.2011).
10. Zemskaya E.A., Kitaygorodskaya M.V., Rozanova N.N. Osobennosti muzhskoy i zhenskoy rechi // Russkiy yazyk v ego funktsionirovanii: Kommunikativno-pragmaticheskiy aspekt. M., 1993. P. 90–156.
11. Kapustina O.B. Noviy zhenskiy tip i poeziya kontsa XIX – nachala XX vekov : avtoref. ... dis. kand. fil. nauk. Ivanovo, 2007.